

УДК 338

Гаглоев Х.А. магистрант

Келехсаева М.В. к.э.н., доцент кафедры экономики

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет

имени К.Л. Хетагурова»

**ТРАНСГРАНИЧНОСТЬ КАК МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПРИСВОЕНИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ
МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

Аннотация. В статье рассмотрено, что формирование зоны трансграничных природных ресурсов и становление специфического механизма их производительного использования выступает особой закономерностью экономики природных ресурсов в условиях глобализации мирохозяйственных процессов; в прикладном аспекте это позволяет утверждать, что в современной экономике формируется новая сфера экономических отношений как результат полисубъектной экономической компетенции. Авторами отмечено, что в этих условиях основным экономическим механизмом рационального ис пользования трансграничных природных ресурсов выступает формирование и реализация трансграничных инвестиционных потоков.

Ключевые слова: трансграничность, природные ресурсы, мезоэкономическая система, инвестиционный поток.

Gagloev H.A. undergraduate

*Keleksaeva M.V. Ph.D., Associate Professor, Department of Economics
FSBEI of HE "North Ossetian State University named
after K.L. Khetagurova"*

**CROSS-BORDER AS INTERREGIONAL REGULARITY OF
APPROPRIATION AND DISTRIBUTION OF NATURAL RESOURCES**

WITHIN THE FRAMEWORK OF MESO-ECONOMIC SYSTEM DEVELOPMENT.

Annotation. The article considers that the formation of the zone of transboundary natural resources and the formation of a specific mechanism of their productive use is a special regularity of the economy of natural resources in the context of globalization of world economic processes; in the applied aspect, this allows us to assert that in the modern economy a new sphere of economic relations is formed as a result of polysubject economic competence. The authors noted that in these conditions the main economic mechanism of rational use of transboundary natural resources is the formation and implementation of cross-border investment flows.

Key words: cross-border, natural resources, meso-economic system, investment flow.

Особой сферой современной экономики в условиях её нарастающей глобализации выступает формирование зоны трансграничных природных ресурсов и становление специфического механизма их производительного использования в интересах всех представленных в этой зоне экономических субъектов, объединяемых необходимостью комплексного подхода к природным ресурсам, находящимся в сфере многосубъектной правовой и экономической компетенции. Глобализация интенсифицировала усилия, направленные на достижение трансграничной региональной экономической интеграции, а это, в свою очередь, вынуждает к трансграничному рациональному использованию природных ресурсов со стороны не только организаций различных государств, но и частного сектора, неправительственных организаций и спонсоров. Одним из механизмов решения данной проблемы выступает формирование биосферных резерватов. Например, как подчеркивается в литературе, «Россия, Казахстан, Китай и Монголия заинтересованы в создании трансграничной биосферной территории «Алтай». Это уникальный

природный комплекс с множеством сохранившихся культурно-археологических памятников. Проблемы организационного оформления ТБТ обсуждаются во властных структурах разных уровней и учеными заинтересованных стран 10 лет. Решить многие проблемы социально-экономического и природно-экологического характера в приграничных районах высокого экологического статуса, обеспечить их сохранение и развитие можно в рамках таких форм, как биосферные резерваты»[1].

Стремительный рост значимости трансграничного подхода связан не только с необходимостью более эффективного управления общими ресурсами, но и внутренними потребностями развития региональной и межрегиональной интеграции. При этом обнаружилась основная практическая и теоретическая проблема механизма эффективного трансграничного использования природных ресурсов – сохранение межгосударственного неравенства в распределении природных благ.

Термин «трансграничные природные ресурсы» относительно недавно вошел в употребление для обозначения межграницной динамики национальных производственных ресурсов и планирования рационального управления ими. Этот термин относится к движению физических, биологических и социальных ресурсов, связанного с перемещением этих ресурсов через политические границы. Хотя суверенные государства, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права, имеют право разрабатывать свои собственные ресурсы в соответствии с требованиями своей окружающей среды и в целях социальной политики, но они также несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции не привела к повреждению окружающей среды других государств, или районов, находящихся за пределами действия национальной юрисдикции.

В этой связи необходим комплексный подход к планированию и рациональному использованию природных ресурсов, особенно – в районах

международных речных бассейнов. Правительства разных стран призваны международным и национальным сообществом сотрудничать в оценке состояния трансграничных природных ресурсов. Это, в свою очередь, требует трансграничных политических инициатив для оценки трансграничных ресурсов и создания институциональных механизмов для совместного управления общими ресурсами, обмена опытом управления в осуществлении комплексного освоения ресурсов и управления ими.

Государства должны готовить оценки и разрабатывать программы действий, устанавливать приоритеты для сохранения биоразнообразия и природохозяйственной деятельности, связывать эти стратегии и программы действий с национальной экономической политикой и программами других стран, участвующих в обеспечении максимальной выгоды от использования природных ресурсов в целях достижения устойчивого развития.

В большинстве развивающихся стран средства к существованию большинства людей продолжают оставаться зависимыми от эффективности использования природных ресурсов и окружающей среды. Поэтому степень эффективного управления природными ресурсами оказывают мощное воздействие на долгосрочность устойчивого экономического развития в регионе. Тем не менее, возрастающее давление на природные ресурсы со стороны социогенных факторов, неконтролируемый рост населения, несправедливое распределение ресурсов и макроэкономические изменения под влиянием глобализации требуют эффективного управления природными ресурсами в пределах не только национальных границ, но и за их пределами – в случае трансграничного расположения природных ресурсов. К ним относятся, например, месторождения полезных ископаемых, миграция ценных популяций диких животных, водные бассейны речных потоков, прибрежные морские пространства, лесные массивы.

Более того, природные ресурсы, которые изначально не являются «трансграничными», могут превратиться в таковые, если деятельность по их освоению и использованию в одной стране может оказать негативное влияние на соседние страны, что особенно ощутимо в эпоху возрастающего истощения ресурсов и появления дефицита на большинство из них.

Таким образом, необходимость сотрудничества в области рационального использования трансграничных природных ресурсов растет по мере усиления производительной силы общества. В этих условиях основным экономическим механизмом рационального использования трансграничных природных ресурсов выступает формирование и реализация трансграничных инвестиционных потоков.

Трансграничное сотрудничество в области совместного использования природных ресурсов охватывает практически весь диапазон управления ими - продовольственная безопасность, земля и сельское хозяйство; инфраструктура и услуги; промышленность, торговля, инвестиции и финансы; развитие человеческих ресурсов, науки и техники. Кроме того, как отмечается в литературе, «с 1970-х гг. трансграничные финансовые связи значительно усилились, и валовые внешние активы промышленно развитых стран выросли с 28 % ВВП в 1970 г. до 155 % в конце 2000-х гг. За тот же период валовые внешние активы стран с формирующимся рынком увеличились с 16 до 57 % ВВП стран с формирующимся рынком и развивающихся стран. По мере роста глобальных финансовых связей соответственно росли и возможности возникновения вторичных финансовых эффектов. В результате финансовые связи превратились в проводников распространения финансовых потрясений из одной страны в другую»[2].

Особыми инструментами выступают - разработка политики, направленной на устранение препятствий на пути свободного

передвижения людей, товаров и услуг, а также представление межгосударственных проектов для совместного финансирования эксплуатации трансграничных природных ресурсов. Такая эксплуатация всегда имеет и социальный контекст, направленный на преодоление отсталости в сферах производства и инфраструктуры.

Функциональная модель освоения трансграничных природных ресурсов должна усилить связь между национальной политикой и планами региональной интеграции, разрешить конфликты, порождаемые растущей конкуренцией за их присвоение. Между тем существующая теория общего имущества и вытекающая из неё так называемая «трагедия достояния», которая была предложена в 1968 году Г. Хардиным (1968) [3], исходит из того, определённая группа трансграничных ресурсов (например, - моря, реки, пастбища), будучи по характеру своего присвоения общественными объектами, но, находясь в частной собственности, подвергаются чрезмерной эксплуатации, поскольку индивидуальные пользователи такого «общественного ресурса» получают все преимущества из права его полного использования, однако несут только часть расходов, связанных с чрезмерным присвоением полезных свойств данного ресурса. В этих условиях рост численности населения (геометрический или арифметический), обгоняющий прирост товарной массы, должен был бы сопровождаться уменьшением объёма товаров на душу населения. Противостоять этому может только рост производительности общественного труда.

Таким образом, эффективная экономика ресурсов характеризуется тройственной зависимостью, образующей приоритетную закономерность её движения:

- исходный пункт – количественный рост народонаселения,
- промежуточная зависимость – рост товарной массы, обгоняющий рост населения,

- итоговая зависимость – рост производительности общественного труда, обгоняющий рост товарной массы, который, в свою очередь, опережает прирост населения.

С общетеоретической точки зрения трудно оспорить тот тезис, что если мир природных ресурсов конечен, то и возможность результата их производительного потребления тоже конечна, и эту зависимость нельзя преодолеть никаким ростом производительности общественного труда. Другими словами, конечность объективного мира может поддерживать существование лишь конечного населения, поэтому рост населения в конечном итоге должны равняться нулю.

Проблему истощения природных ресурсов как результат малорационального экономического устройства общественного производства Г.Хардин иллюстрирует следующим условным примером. Предположим, что существует пастбище, доступное всем местным животноводам. Следует ожидать, что каждый пастух будет пытаться сохранить в своей собственности как можно больше крупного рогатого скота - в качестве собственного имущественного достояния. Такое устройство пастбищного хозяйства может работать достаточно удовлетворительно в течение многих столетий, потому что племенные войны, браконьерство и болезни сохраняют то количество людей и животных, которое значительно ниже пропускной способности пастбища. Наконец, однако, приходит день, когда такая цель скотовода, обеспечивавшая социальную стабильность, становится реальностью. На экономическом языке это означает, что «пропускная» способность пастбища реализована в полной мере. И эта логика экономики порождает то, что Г.Хардин называет «трагедией».

Он поясняет свою мысль следующим образом. Как рациональное существо, каждый пастух стремится максимизировать свою выгоду. Эту выгоду он усматривает в добавлении ещё одного животного в своё, в

лично принадлежащее ему, стадо. Однако такое добавление имеет как отрицательное, так и положительное следствие.

Положительное следствие есть функция от приращения одного животного. И так как пастух получает все доходы от продажи дополнительных животных, то его польза равна в данном случае «+1». Но есть и отрицательное следствие – хотя дополнительный «перевыпас» обеспечил этого пастуха еще одним животным, для всех остальных пастухов этот чрезмерный выпас выразился в убытке, равном определённой части «-1». Однако продолжая свой курс на рост стада, все пастухи умножают убытки.

На самом деле, теория Г. Хардина не отражает всей сложности использования обществом окружающей среды, в частности, в зависимости от многочисленных социальных и политических факторов.

Давление на природные ресурсы вызывает необходимость разработки программ устойчивого использования трансграничных ресурсов (питьевая вода, рыбные ресурсы, популяции диких животных; даже такие стационарные ресурсы, как лесные массивы, должны рассматриваться в виде трансграничных, если они затрагивают интересы нескольких сопредельных государств). Предварительным условием трансграничных программ управления природными ресурсами является институционализация объёмов трансграничных полномочий по регулированию и использования ресурсов в пределах границ государств и за пределами этих границ. Как отмечается в литературе, «в середине первого десятилетия XXI в. В развитии нефтяной отрасли Российской Федерации наступил этап перехода российских вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК) к трансграничным слияниям с нефтяными глобальными компаниями. Причины этого явления заключались в том, что если в период 1998-2003 гг. российские ВИНК еще не достигли корпоративной зрелости и не были готовы к трансграничным

сделкам с глобальными компаниями, то после дефолта 1998 г. Нефтяные компании России стали быстро и активно развиваться. Усилилось и государственное внимание к развитию нефтяного бизнеса в стране»[4].

Дополнительной трудностью следует считать реальное межгосударственное неравенство в использовании ресурсов между странами, а также неопределенности о состоянии и тенденциях в динамике трансграничных природных ресурсов. Другой недостаток – недостаточная разработанность международного права в сфере управления трансграничными природными ресурсами.

На Юге России классическим объектом трансграничных природных ресурсов является Краснодарское водохранилище - крупнейшее на Северном Кавказе, построенное в 1973 году и которое является водохозяйственным объектом федеральной собственности комплексного назначения (противопаводковое, питьевое, рекреационное, для улучшения судоходства и опреснение лиманов, рыборазведения, орошения); за время существования водохранилище предотвратило более 10 крупнейших наводнений, защитив от затопления более 600 тыс. га земель с проживающим в этом регионе полумиллионным населением.

Другим, уже международным трансграничным объектом, является остров Шпицберген с его природными ресурсами. Проблемы совместного использования месторождений его полезных ископаемых длительное время изучается российскими и зарубежными исследователями, которые пришли к важным для развития трансграничной теории использования природных ресурсов выводам. Важным элементом механизма трансграничного использования природных ресурсов выступают наднациональные решения по глобальным общим природоохраным вопросам, поскольку сохраняющаяся зависимость от природных ресурсов будет возрастать в результате их чрезмерной эксплуатации и загрязнения.

Как справедливо отмечает В.И. Суслов, «анализ и синтез природных, социально-экономических, геополитических и других предпосылок развития приграничных и трансграничных территорий позволяют сформировать базу для дальнейших исследований в области развития этих территорий, согласовывать и консолидировать усилия приграничных территорий стран в разработке наиболее адекватной стратегии оптимизации системы управления»[5].

Бесконтрольная вырубка лесов, сокращение ареала обитания дикой природы угрожает биоразнообразию, увеличению загрязнение воздуха и воды и изменению климата из-за парникового газового выбросов. Следует отметить и такое направление, как трансформацию в объекты трансграничного статуса имеют речные бассейны, поскольку они часто находятся на территории двух или более прибрежных государств, а также определяют международные границы между многими странами. Это тем более актуально, что реки – потенциальные точки межгосударственных конфликтов, так как иногда трудно определить точное местоположение международных границ, расположенных вдоль речных систем. В этих случаях целесообразны такие подходы, как бассейновые соглашения и совместное управление на уровне всего данного речного бассейна. Особенно это важно для тех регионов, национальные экономические системы которых непосредственно зависят от имеющихся природных ресурсов.

Использованные источники:

1. Винокуров Ю.И., Красноярова Б.А., Суразакова С.П. Трансграничная биосферная территория «Алтай»: идеи сохранения и развития // Регион: экономика и социология. 2006. №2. С.156.
2. Пилипенко З.А. Трансграничные финансовые потоки и синхронизация циклов экономического развития зарубежных стран // Экономические науки. 2011. №1(74). С.373.

3. "The Tragedy of the Commons", Garrett Hardin, Science , 162(1968):1243-1248.
4. Козеняшев К.А. Проблемы перехода российских вертикально интегрированных нефтяных компаний к трансграничным слияниям с глобальными нефтяными компаниями (2003-2009) // Экономические науки. 2010. №9(70). С.210.
5. Суслов В.И. Проблемы приграничных и трансграничных территорий азиатской России // Регион: экономика и социология. 2011. №2. С.299-300.